

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-22>

УДК 34

Attribution

cc by

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА NFT-ТОКЕНОВ
КАК ПРЕДМЕТА ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ИНОГО ИМУЩЕСТВА

Сачков А.Н.

«Евросиб»

Аннотация. В статье предпринят уголовно-правовой анализ сущности NFT-токенов как предмета преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ, связанного с организацией деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества. Проанализированы формы оборота NFT в механизмах неправомерного привлечения средств, включая использование токенов в псевдоинвестиционных схемах, и выявлены критерии их отнесения к предмету преступления. Сделан вывод о необходимости дифференцированного подхода в уголовно-правовой оценке деяний, совершённых с использованием NFT, учитывающего их цифровую природу, экономическую ценность и привлечение в инвестиционную деятельность, а также предложены направления совершенствования уголовно-правовой охраны цифровых финансовых активов.

Ключевые слова: NFT-токены, иное имущество, цифровые активы, блокчейн, инвестиционные схемы, привлечение денежных средств, общественные отношения, предмет преступления, уголовно-правовая квалификация, имущественные отношения.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF NFT TOKENS
AS AN OBJECT OF ORGANIZING ACTIVITIES TO ATTRACT MONEY AND OTHER PROPERTY

Andrey N. Sachkov

"Eurosib"

Abstract. The article undertakes a criminal law analysis of the essence of NFT tokens as the subject of a crime under Article 172² of the Criminal Code of the Russian Federation related to the organization of activities to attract funds and (or) other property. The forms of NFT turnover in the mechanisms of illegal fundraising, including the use of tokens in pseudo-investment schemes, are analyzed, and criteria for their attribution to the subject of a crime are identified. The conclusion is made about the need for a differentiated approach in the criminal law assessment of acts committed with the use of NFT, taking into account their digital nature, economic value and involvement in investment activities, and also the directions of improvement of criminal law protection of digital financial assets are proposed.

Keywords: NFT-tokens, other property, digital assets, blockchain, investment schemes, raising funds, social relations, subject of crime, criminal law qualification, property relations.

Funding: Independent work.

Введение.

В условиях стремительного усложнения цифрового имущественного оборота и постепенного стирания границ между материальными и виртуальными формами активов особое значение приобретает вопрос о правовой природе non-fungible tokens (далее - NFT) как самостоятельного феномена цифровой экономики. Их появление можно рассматривать как, своего рода, «точку разрыва» с традиционной логикой взаимозаменяемых цифровых единиц, поскольку NFT фиксируют не просто факт существования цифрового объекта, а закрепляют его уникальность в распределённой информационной среде.

Технологически NFT формируются на основе блокчейн-инфраструктуры с использованием смарт-контрактов стандартов ERC-721 и ERC-1155, что обеспечивает их неизменяемую идентификацию и прослеживаемость оборота. Практика оборота показывает, что стоимость таких токенов формируется не только исходя из характеристик базового объекта, но

и за счёт редкости, репрезентативной ценности и рыночного спроса. Так, один и тот же цифровой арт-объект, закреплённый в форме NFT, может многократно менять свою рыночную оценку в зависимости от контекста оборота, подобно тому, как антикварная вещь приобретает дополнительную ценность за счёт своей истории и уникальности.

Именно эта особенность обуславливает функциональную амбивалентность NFT: с одной стороны, они выступают в качестве цифрового «якоря» конкретного актива, а с другой - выполняют роль удостоверяющего инструмента, обеспечивающего фиксацию и передачу имущественных и связанных с ними неимущественных прав в цифровой среде, включая метавселенную [1, С. 58]. В результате NFT становятся не просто технологическим продуктом, а элементом нового типа имущественных отношений, где оборот активов приобретает ускоренный, децентрализованный и трансграничный характер.

Указанные особенности обуславливают формирование особого цифрового пространственного континуума, в рамках которого осуществляется оборот NFT-токенов и складываются новые модели экономических отношений, приобретающих значение для уголовно-правовой охраны. Речь идёт о среде, в которой имущественные связи постепенно утрачивают привязку к традиционным территориальным и институциональным рамкам, трансформируясь в распределённую цифровую систему взаимодействия участников.

Обсуждение.

В доктрине цифровой экономики данный феномен обозначается как «метавселенная», представляющая собой целостную цифровую экосистему, объединяющую виртуальную реальность (VR), дополненную реальность (AR) и расширенную реальность (XR) с реальной средой [2, с. 139]. В рамках этой системы интегрируются современные технологии, включая блокчейн, смарт-контракты, NFT, криптовалюту, искусственный интеллект и глобальные сети передачи данных. Такая конвергенция создаёт условия для появления уникальных имущественных отношений, в которых NFT-токены могут выступать как самостоятельные объекты экономического оборота, обеспечивая возможность привлечения денежных средств и иного имущества.

На российском рынке уже сформировалась локальная инфраструктура метавселенных, активно использующая зарубежные платформы. Среди ключевых участников - игровые проекты, такие как Roblox и Fortnite, а также ивент-площадки, формируемые по типу Spatial, предоставляющие возможности для коммерческой деятельности и привлечения инвестиций за счёт вовлечённой аудитории [3, с. 119].

Использование NFT в качестве инструмента противоправной деятельности порождает новые формы экономической преступности и создаёт комплекс рисков. NFT-токены одновременно выступают как самостоятельный объект имущественных отношений и как элемент механизма совершения преступления, что требует дифференцированного подхода к их уголовно-правовой оценке. Их цифровая природа, техническая уникальность и возможность участия в инвестиционных схемах делают необходимым уточнение критериев признания NFT предметом преступления, предусмотренного ст. 172² Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), и выделение специфических признаков, отражающих роль токена в схемах противоправного привлечения денежных средств и иного имущества [4, С. 169].

Уникальность NFT и способность участвовать в имущественном обороте позволяют рассматривать NFT в качестве потенциального предмета преступления, в том числе в составах, предусматривающих ответственность за посягательства на имущественные отношения. Вместе с тем децентрализованный характер их функционирования, а также разрыв между цифровой формой токена и реальным содержанием закреплённых за ним прав создают дополни-

тельные сложности для правоприменения, включая вопросы идентификации объекта посягательства, определения объёма причинённого вреда и разграничения смежных составов преступлений.

Указанное обстоятельство предопределяет необходимость уточнения содержания объекта уголовно-правовой охраны с учётом цифровой природы соответствующих активов. В этом смысле, объект преступления приобретает комплексный характер: он охватывает не только имущественные отношения, связанные с перераспределением денежных средств и иных активов, но и охраняемые законом интересы участников инвестиционной деятельности, включая их право на достоверную информацию о характере привлекаемых средств, добросовестность организатора и наличие реальной хозяйственной деятельности. Нарушение этих условий, в том числе посредством использования NFT-токенов в качестве формального инвестиционного инструмента, свидетельствует о посягательстве на устойчивость финансового оборота и подрыве доверия к цифровым формам инвестирования.

В логической связи с характеристикой объекта преступления возникает необходимость обращения к категории «иное имущество», используемой законодателем в конструкции ст. 172² УК РФ. Данная категория носит обобщающий и оценочный характер, что обуславливает необходимость её доктринального осмысления, особенно в условиях появления новых цифровых форм имущественных благ.

В уголовно-правовой науке под имуществом традиционно понимаются вещи, имущественные права и иные объекты гражданского оборота, обладающие экономической ценностью и способные участвовать в имущественных отношениях [5, с. 65]. Вместе с тем, использование термина «иное имущество» позволяет охватить более широкий круг активов, включая те, которые не имеют устоявшегося правового режима, но фактически выполняют экономические функции.

В этом контексте, особую актуальность приобретает вопрос о признании NFT-токенов в разновидности «иного имущества». Нам представляется, что такая квалификация возможна при наличии совокупности признаков, характеризующих NFT как объект имущественных отношений. Прежде всего, речь идёт о наличии у токена экономической ценности, выражающейся в способности быть предметом стоимостной оценки и отчуждения. Кроме того, NFT обладает оборотоспособностью, позволяющей ему участвовать в гражданском и инвестиционном обороте, а также индивидуализированностью, обеспечивающей возможность его идентификации как самостоятельного актива. Наконец, принципиальное значение имеет функциональная способность NFT использоваться в качестве инструмента привлечения денежных средств и (или) иного имущества, что непосредственно соотносится с конструкцией рассматриваемого состава преступления.

Развивая данное положение, следует поддерживать мнение О. Г. Бельдиной и С. Н. Бурлака, согласно которому NFT-токен в рамках противоправных схем может выполнять двойственную роль. С одной стороны, он выступает как предмет имущественного посягательства, поскольку вовлекается в оборот в качестве объекта инвестирования. С другой стороны, он функционирует как элемент механизма совершения преступления, обеспечивая внешнюю легитимность деятельности по привлечению средств [6, с. 289]. Именно эта особенность позволяет использовать NFT для маскировки схем, не обеспеченных реальной экономической деятельностью, что затрудняет их выявление и уголовно-правовую квалификацию.

Сопоставление NFT-токенов с традиционными объектами имущественных посягательств позволяет выявить как сходство, так и принципиальные различия. Общим, по мнению Д. А. Каткова, является наличие экономической ценности и участие в имущественном обороте, что позволяет рассматривать NFT в одном ряду с денежными средствами, ценными бумагами и иными активами [7, с. 250]. Вместе с тем, их цифровая природа, выражающаяся в существовании исключительно в форме записи в распределённом реестре, а также опосредованный характер связи с репрезентируемым объектом существенно усложняют определение объёма правомочий владельца и оценку причинённого ущерба.

В то же время, указанное сходство не исключает необходимости дифференцированного подхода к оценке роли NFT-токенов в механизме преступлений экономической направленности, что особенно проявляется при их использовании в конструкциях, образующих признаки состава организации деятельности по привлечению денежных средств и иного имущества (ст. 172² УК РФ). В данном контексте, NFT-токены могут выступать в качестве предмета преступления, прежде всего, в содержании признаков объекта привлечения иного имущества, когда их приобретение позиционируется как инвестиционная операция, направленная на получение дохода или иной выгоды.

Формы использования NFT в механизме преступления варьируются в зависимости от способа организации противоправной деятельности. Наиболее распространённой является модель, при которой токены используются как инструмент маскировки противоправной деятельности, придавая ей видимость легального цифрового бизнеса [8, С. 148].

В этой связи, особую значимость приобретает выработка критериев отнесения NFT к предмету преступления. К их числу следует отнести наличие экономической ценности токена, его вовлечённость в оборот в качестве инвестиционного инструмента, а также функциональную связь с процессом привлечения денежных средств или иного имущества.

Наконец, существенное значение имеет разграничение анализируемого состава с иными преступлениями экономической направленности. В частности, в отличие от мошенничества, где ключевым

элементом выступает обман как способ завладения имуществом, в составе ст. 172² УК РФ акцент смещён на сам механизм привлечения средств при отсутствии законной деятельности.

В свою очередь, от легализации (отмывания) денежных средств соответствующие деяния отличаются отсутствием цели придания правомерного вида ранее полученным преступным доходам, а от незаконной предпринимательской деятельности - направленностью не на извлечение прибыли от хозяйственной деятельности, а на перераспределение привлечённых средств между участниками.

Квалификация противоправных действий в сфере оборота NFT-токенов требует учёта специфики цифровых активов и инфраструктуры, обеспечивающей их существование. Метаданные, закреплённые в блокчейне, распределённых файловых системах или централизованных серверах, как говорилось ранее, представляют собой имущественно значимые сведения, формирующие права на конкретный NFT. Поскольку NFT-токен как предмет может быть использован в механизмах привлечения денежных средств и (или) иного имущества, любое вмешательство в инфраструктуру, обеспечивающую его функциональность, напрямую затрагивает охраняемые законом имущественные отношения и представляет потенциальный объект уголовно-правового регулирования.

С точки зрения уголовно-правовой практики, можно выделить два основных типа рисков, связанных с нарушением целостности и доступа к NFT:

во-первых, риски неправомерного получения метаданных, позволяющие злоумышленнику присвоить цифровой актив или получить возможность распоряжаться им в обход законного владельца;

во-вторых, риски разрушения или модификации метаданных, что приводит к нарушению функциональности токена, утрате закреплённых прав и экономической ценности NFT.

В первом случае содеянное должно квалифицироваться как «незаконное получение данных из информационной системы», поскольку вмешательство осуществляется в защищённую систему с целью завладения информацией, обладающей экономическим содержанием.

Во втором - имеет место нарушение норм, регулирующих сохранность компьютерной информации, что отражается на имущественных интересах владельцев токенов и может квалифицироваться как преступление в сфере компьютерной информации с учётом наступления имущественных последствий, в том числе утраты стоимости NFT как «пустого» права.

Результаты.

В контексте ст. 172² УК РФ, NFT-токен следует рассматривать как предмет преступления при его использовании в схемах привлечения денежных средств или иного имущества, когда организатор обещает доход или иные выгоды участникам за счёт привлечённых средств последующих вкладчиков без наличия реальной инвестиционной деятельности.

Любые действия, нарушающие целостность или доступ к метаданным NFT, усиливают общественную опасность такого деяния, поскольку ставят под угрозу имущественные права инвесторов, подрывают доверие к цифровым финансовым инструментам и создают возможность перераспределения средств вне установленной законной схемы.

При этом необходимо учитывать критерии, обеспечивающие отграничение рассматриваемого состава от смежных с ним деяний. Так, неправомерное получение метаданных не должно смешиваться с классическим мошенничеством, так как здесь отсутствует обман в традиционном для уголовно-правовой доктрины понимании - ключевым признаком является вмешательство в цифровую инфраструктуру и нарушение имущественных прав.

Разрушение метаданных, приводящее к утрате стоимости токена, отличается от традиционного уничтожения имущества тем, что объектом воздействия является цифровая запись, а последствия напрямую затрагивают имущественные интересы владельца NFT. Кроме того, действия в отношении NFT не всегда коррелируют с легализацией доходов или незаконной предпринимательской деятельностью, поскольку цель злоумышленника заключается именно в создании схем привлечения средств, маскируемых под легитимные инвестиционные операции.

Таким образом, уголовно-правовая квалификация действий, связанных с нарушением целостности или неправомерным присвоением NFT, должна сочетать традиционные подходы к охране имущественных отношений с учётом специфики цифровых активов: незаконное получение метаданных квалифицируется как незаконное получение информации из информационной системы, разрушение метаданных, как уничтожение компьютерной информации, а по-

следующий имущественный ущерб, как посягательство на имущественные права, что в совокупности отражает комплексную общественную опасность преступлений с использованием NFT в механизмах привлечения денежных средств и (или) иного имущества.

Заключение.

Проведённый анализ позволяет сделать ряд принципиально важных выводов относительно уголовно-правовой охраны NFT-токенов как предмета преступления, предусмотренного ст. 172² УК РФ.

Во-первых, NFT-токены, обладая экономической ценностью, индивидуализированностью и оборотоспособностью, могут рассматриваться в качестве «иного имущества», что позволяет их отнести к предмету преступления в составе организации деятельности по привлечению денежных средств и иного имущества.

Во-вторых, специфическая цифровая природа NFT, выражающаяся в существовании токена исключительно в форме записи в распределённом реестре и опосредованной связи с репрезентируемым объектом, создаёт дополнительные риски для имущественных интересов владельцев и требует дифференцированного подхода к квалификации противоправных деяний.

В-третьих, анализ диспозиции ст. 172² УК РФ и доктринальных подходов к квалификации преступлений показывает необходимость разграничения преступлений с использованием NFT от смежных составов, таких как мошенничество, легализация доходов и незаконная предпринимательская деятельность.

В целом выявленные особенности NFT как предмета преступления подчеркивают необходимость дальнейшего совершенствования механизма уголовно-правовой охраны цифровых финансовых инструментов с учётом технологических особенностей и имущественной значимости токенов.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Дин Ю. Природа правовых благ NFT и их уголовно-правовая охрана в контексте метавселенной. *Lex Russica (Русский закон)*. 2025. Т. 78. № 2 (219). С. 56-65. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.056-065 EDN: AQKXGO
2. Мальсагова Р. Г., Ефремова С. А. Условия формирования финансовой метавселенной государственного сектора Российской Федерации // *Финансовые рынки и банки*. 2023. №12. С. 138-147.
3. Юхно А. С. Обзор тенденций развития рынка метавселенной // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2022. №6. С. 108-126. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_108_126 EDN: MLKYGZ
4. Перетолчин А. П. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с использованием криптовалют // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. 2025. №4 (115). С. 167-180.
5. Шульга А. В. Имущественные права как предмет хищения средств с лицевого счета абонента мобильной связи // *Общество и право*. 2013. №4 (46). С. 64-69.
6. Бельдина О. Г., Бурлака С. Н. NFT-токен: проблемы правового регулирования // *Право и государство: теория и практика*. 2023. №11 (227). С. 288-290. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_11_288 EDN: LJXUSG
7. Катков Д. А. Правовой статус NFT: роль и значение в современной цифровой реальности // *Скиф*. 2023. № 6 (82). С. 249-254.
8. Катаева Е. В. Технология NFT как инструмент защиты авторских прав // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. №12-1. С. 147-150. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-12-1-147-150 EDN: KEDPLX

References:

1. Dean Yu. *The nature of NFT legal benefits and their criminal protection in the context of the metaverse*. *Lex Russica (Russian Law)*. 2025. Vol. 78, No. 2 (219). pp. 56-65. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.219.2.056-065 EDN: AQKXGO
2. Malsagova R. G., Efremova S. A. *Conditions for the formation of the financial metaverse of the public sector of the Russian Federation* // *Financial markets and banks*. 2023. No. 12. pp. 138-147.
3. Yukhno A. S. *Overview of trends in the development of the metaverse market* // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2022. No. 6. pp. 108-126. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_108_126 EDN: MLKYGZ
4. Peretolchin A. P. *Criminal liability for crimes committed using cryptocurrencies* // *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025. No. 4 (115). pp. 167-180.
5. Shulga A. V. *Property rights as a subject of embezzlement of funds from the personal account of a mobile subscriber* // *Society and Law*. 2013. No. 4 (46). pp. 64-69.
6. Beldina O. G., Burlaka S. N. *NFT token: problems of legal regulation* // *Law and the State: theory and practice*. 2023. No. 11 (227). PP. 288-290. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_11_288 EDN: LJXUSG
7. Katkov D. A. *The legal status of NFT: its role and significance in modern digital reality* // *Skif*. 2023. № 6 (82). pp. 249-254.
8. Kataeva E. V. *NFT technology as a tool for copyright protection* // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022. № 12-1. pp. 147-150. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-12-1-147-150 EDN: KEDPLX

Информация об авторе:

Сачков Андрей Николаевич, кандидат юридических наук, арбитражный управляющий, Ассоциация евросибирская саморегулируемая организация арбитражных управляющих «Евросиб», sachkov_a@mail.ru

Andrey N. Sachkov, PhD in Law, Arbitration Administrator, Association of Eurosiberian Self-regulatory Organization of Arbitration Administrators Eurosib.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.04.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.04.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.